

О. В. Мунина

ЛИМИНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, социологический факультет,
Саратов, Россия*

Аннотация. Данная статья предлагает по-новому взглянуть на факторный механизм социального протеста. К настоящему времени в научной литературе представлены различные направления исследования протестной активности, дифференцирующиеся между собой трактовкой предмета изучения через определенные концепты и системы категорий: конфликтологическая парадигма, теории коллективного действия, общественных движений, относительной депривации, коммуникативная методология и т.д. В свою очередь, автор обращается к анализу лиминальности в качестве предиктора протестного поведения. Подобный вектор исследовательского интереса предполагает операционализацию применяемых понятий и последующее сопоставление специфики лиминальной идентичности с тенденциями протестной активности.

Ключевые слова: общество риска, социальное и цифровое пространство, идентичность, лиминальность, протест, протестная активность

O. V. Munina

LIMINALITY AS A FACTOR OF SOCIAL PROTEST ACTIVITY

Saratov State University, Faculty of Sociology, Saratov, Russia

Abstract. This article offers a new look at the factorial mechanism of social protest. To date, the scientific literature presents various areas of research on protest activity, differentiated by the interpretation of the subject of study through certain concepts and systems of categories: the conflictological paradigm, theories of collective action, social movements, relative deprivation, communicative methodology, etc. In turn, the author turns to the analysis of liminality as a predictor of protest behavior. Such a vector of research interest presupposes the operationalization of the concepts used and the subsequent comparison of the specifics of liminal identity with the tendencies of protest activity.

Keywords: risk society, social and digital space, identity, liminality, protest, protest activity

Динамизм событий, характерных для последних двух-трех лет, сказался на проблемном поле поискового запроса исследователя-гуманитария. В свете пандемии COVID-19 актуализировалась социология эпидемий. Протестная активность представителей подрастающего поколения поставила вопрос о пересмотре подходов, касающихся реализации воспитательной и профилактической деятельности, и необходимости учета специфики цифрового пространства. Последние события, связанные с ходом спецоперации России на Украине, обострили проблемы исторической памяти. Эти, на первый взгляд не связанные между собой проблемы, интегрируются,

если рассмотреть их через призму процессов обретения и трансляции идентичности современного человека в обществе риска в условиях цифровизации повседневности.

Тема протестной активности как особого вида поведенческого паттерна в научной литературе поднимается в работах политологов, историков, социологов, социальных психологов [1-4]. Анализ протеста с разных научных позиций позволяет исследовать его всесторонне, выявляя все новые аспекты и факторы динамики. Но, несмотря на междисциплинарный характер современных исследований, протестная активность, чаще всего, рассматривается исключительно в политическом контексте [5-6]. По нашему мнению, это значительно сужает пространство изучаемой проблемы. Тем более что понятие «социальный протест» в современной социологической литературе охватывает достаточно широкий круг явлений.

В самом общем виде под протестом понимается «решительное возражение против чего-либо, заявление о несогласии с чем-либо, о нежелании чего-либо; острое нежелание мириться с существующим положением дел и активное стремление изменить его к лучшему» [7, с. 274]. По этой причине к социальному протесту можно отнести и «отрицание» всей социальной действительности, и неприятие каких-то отдельных сторон жизнедеятельности социума. Протестную активность, в свою очередь, следует рассматривать как поведенческую составляющую протеста.

В последнее время проблема протестной активности приобрела новые характеристики: изменилась сама реальность, появились новые формы протеста, увеличилась скорость распространения информации, сказалось и воздействие виртуальных социальных сетей. Так, например, протестная активность российской молодежи, ознаменовавшая собой начало 2021 года, заставила ученых вновь акцентировать свое внимание на изучении механизма протеста, выявлении и анализе его объективных факторов-предикторов и субъективных триггеров.

Поскольку масштабность любого явления оценивать исключительно формальной статистикой нельзя, для анализа динамики протестной активности был реализован сравнительный анализ данных, полученных в ходе исследований, проведенных в России в последние десятилетия. Это, прежде всего:

- данные регулярного мониторинга общественного мнения, осуществляемого Институтом социально-экономического развития территорий РАН на территории Вологодской области в период с 1995 по 2015 гг. (исследование было выполнено при поддержке РФФИ (грант №05-06-80-315) [8-12];
- материалы социологического исследования, проведенного на базе Алтайского государственного университета в 2012 г. (г. Барнаул) [13];
- данные контент-анализа и event-анализа, полученные в 2018 г. в Ярославской области (исследование было выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-0300132 «Коллективные действия

граждан по защите и реализации законных прав и интересов в современной России»). За основу источников были взяты региональные СМИ и региональные Интернет-порталы, отражающие хронологию изучаемых событий [14];

- данные опроса участников «Русского марша», проведенного Центром региональных социологических исследований СГУ в 2018 г. (г. Саратов) [15];
- данные эмпирического исследования, ставившего своей целью определение психологических особенностей личности, склонной к протестной активности, проведенного группой исследователей Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Шамянов Р.М., Бочарова Е.Е., Арендачук И.В., Кленова М.А. и др.) в г. Саратов (исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298) [16].

Сравнение данных, полученных в разное время в разных регионах России, позволило сделать следующий вывод: причины и условия протестной активности многообразны, а их интенсивность и характер зависят от различных объективных и психологических факторов. Можно выделить ряд факторов и условий, которые влияют на распространение протестной активности:

- 1) социально-экономические (социальное неравенство, уровень материального благосостояния населения; неадекватный контроль ситуации властями и т.д.);
- 2) политические (коррупция, утрата властными группами/элитами легитимности, фальсификации выборов и т.д.);
- 3) юридические (например, игнорирование мнения населения при принятии ключевых, влияющих на уровень/качество жизни граждан вопросов);
- 4) психологические и социально-психологические (депривация, паника, истерия, враждебность и т.д.).

Фиксируемые СМИ видеоматериалы и данные периодики позволили сделать некоторые выводы о локализации протестных акций 2021 года и ее участниках: протестную активность в крупных городах России продемонстрировали преимущественно старшеклассники и студенты. Как и в 2017-2018 гг., протестные акции были инициированы несистемной оппозицией, в связи с чем можно было говорить об определенной аналогии в объективных социально-экономических, политических факторах: высокий уровень недоверия к политическим и общественным институтам и структурам, обусловленный снижением реальных доходов населения на фоне низкого уровня политической компетентности самой молодежи.

Вместе с тем, у протестного поведения 2021 года появились новые обстоятельства. Среди новых объективных факторов-предикторов следует отметить:

- на макроуровне – пандемию вируса COVID-19 и последовавшее введение режима самоизоляции (а в некоторых регионах и жесткого локдауна);
- на мезоуровне – кризис и дисфункциональность институтов социализации в условиях дистанционного обучения.

Обозначенные объективные социальные факторы катализировали, субъективные факторы протестной деятельности молодежи:

- поиск идентичности и идентификация себя с будущим, с развитием общества;
- идентификация себя как реальной социальной силы;
- отношение к Интернету и доверие к нему, как к источнику информации о политике, обсуждение политики в социальных сетях, позитивный образ протеста и протестующих в цифровом пространстве, отношение к социальным сетям как механизму консолидации;
- преобладание протеста над активной адаптацией.

В условиях пандемии вируса COVID-19 проблема формирования личностной и групповой идентичности вышла на новый виток актуализации. Базовые паттерны поведения стали неустойчивыми. Вынужденная стремительная адаптация к цифровой деятельности, мощь и давление информационных потоков обусловили появление новых стандартов социальной интеракции. Пандемия перевела в «цифру» не только процесс коммуникативного общения, но и практически в целом профессиональную и учебную деятельность. В нестандартной ситуации групповая идентичность начала стремительно размываться. В частности, широкие (этнические, территориальные, культурные, политические) идентичности в условиях пандемии ощутили на себе натиск мозаичности и дифференцированности цифрового пространства. Самые распространенные социальные связи, существующие в плоскости реального мира, в условиях самоизоляции начали стремительно распадаться. В итоге, ослабла социальная солидарность, но сама потребность в идентичности осталась и стала замещаться узкими идентичностями как на микроуровне, так и в просторах социальных сетей, сервисов и каналов. В результате, процесс идентификации представителя молодого поколения как элемент социализации приобрел новые оттенки и, еще большую пластичность. Другими словами, молодой человек обрел так называемую Patchwork-идентичность, практически безболезненно монтируемую из самых разнообразных уровней – «лоскутков». Механики «лайка» и «свайпа» изменили принцип восприятия информации, сократив его до двух простых принципов – «понравилось/не понравилось».

Всю совокупность перечисленных нами субъективных факторов протестной активности, демонстрируемой представителями современной молодежи, можно охарактеризовать одним термином – «лиминальность».

«Лиминальность» (от англ. *liminality*, лат. *limen* – порог, пороговая величина) как понятие впервые было сформулировано в работах А. ван Геннепа и В. Тернера [17-20]. В широком смысле данное понятие относится к

«переходным» или «неразличимым» пространствам в промежутке между организованными системами и системами координат, будь они физические, географические или когнитивные, социальные, и обозначает промежуточное состояние между двумя стадиями развития человека, группы, сообщества.

Нам представляется незаслуженным сам факт не востребованности термина в социологии: социологической интерпретации лиминальности не существует, что подтверждается отсутствием понятия в западных социологических энциклопедиях [21]. В отечественном «Социологическом энциклопедическом русско-английском словаре» лиминальность определяется как «положение индивидов, находящихся в процессе перехода из одного статуса в другой» [22, с. 196]. Между тем эвристический потенциал данного понятия способен объяснить сами социальные изменения, понять специфику положения индивидов и групп в процессах социальной мобильности и социальной идентификации в условиях подвижной социальной среды.

В рамках данной работы мы будем интерпретировать понятие «лиминальность» как пороговое, промежуточное состояние индивида или группы в процессе социальной мобильности, отличающееся статусно-ролевой необычностью для привычной идентичности, значимостью (вовлечены социальные ценности и нормы) и рефлексивностью (обозначены границы, нормы и практики входа, пребывания и выхода из этого состояния) [10]. Состояние лиминальности по своей природе – кризисное. Оно заставляет переосмыслить свое место в социуме, собственные представления о происходящем, о самом/их себе, выявить имеющийся потенциал.

А. ван Геннеп выделил три ключевых фазы транзитности/социальной мобильности:

- 1) прелиминальную, т.е. сепарацию, отделение или отчуждение от реального пространства/времени;
- 2) лиминальную – «грань», переход в промежуточную социальную зону, в которой индивид обретает опыт неопределенности социального окружения, положения ни «там», ни «тут»;
- 3) постлиминальную, предполагающую инкорпорацию, объединение и включение в социальную структуру [17].

В. Тернер, в свою очередь, заметил, что основной целью лиминальности является создание «альтернативы», модели, вырабатываемой на основе имеющейся, но отличающейся координирующими принципами [19].

Состояние лиминальности заставляет человека пересмотреть представления о себе, сложившиеся у него на предыдущем этапе развития личности, и обнаружить скрытый потенциал – интеллектуальный, эмоциональный, ментальный. Как правило, индивид осознает, что являлось «точкой входа» в лиминальность, тогда как «точка выхода» остается вариативной. Индивид понимает, что возможны различные способы его перехода в новое состояние (например, в ситуации с таким лиминальным состоянием, как гражданский брак, возможные выходы – заключение

официального брака и прекращение сожительства). Негативные последствия лиминальности обусловлены длительностью лиминального состояния, которое может вызвать у индивида уверенность в том, что это состояние не лиминальное, а обычное, и поэтому следует смириться и далее пребывать в подобном кризисном состоянии. Среди распространенных примеров последствий длительного пребывания представителей молодого поколения в лиминальном состоянии – эгоцентризм, различные проявления инфантилизма, отсутствие перехода к социальной ответственности.

Состояние лиминальности – характерная неотъемлемая черта представителей молодого поколения в стадии активной социализации в транзитивном социуме. И оно в большей степени объясняет протестную активность молодежи. Социальный протест молодежи – это попытка построить собственную систему ценностей, найти новые цели и принципы, которые придадут смысл и направленность их жизни. Так, например, регулярные социологические исследования на территории Вологодской области показали, что в основе протестного потенциала молодежи лежит субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему, несоответствие условий жизнедеятельности и интересов, ожиданий и ориентаций. В связи с этим можно сделать вывод о том, что в основе всплеска молодежной протестной активности, который происходит в последние годы, могут лежать не только неблагоприятные макросоциальные тренды, но и определенные ценностные и мировоззренческие установки.

В перспективе последующих авторских изысканий – исследование саморегуляционных процессов в молодежной среде, актуальных для рефлексии механизма формирования идентичности современной молодежи, пребывающей в состоянии лиминальности (обусловленной, в том числе, высокими темпами цифровизации повседневности).

Список литературы

1. *Артюхина, В.А.* Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 30-34.
2. *Габа, О.И.* Основные подходы к изучению протестного настроения // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2014. – № 11. – С. 69-76.
3. *Дементьева, И.Н.* Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 4. – С. 3-12.
4. *Костюшев, В.В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 144-157.
5. *Коряковцева, О.А.* Концептуальные основы развития общественно-политической активности молодежи в постсоветской России // Научные ведомости. Серия История. Политология. – 2016. – № 8. – Вып. 38. – С. 156-162.
6. *Руденкин, Д.В.* Политический протест как объект анализа социально-гуманитарной науки: основные концептуальные подходы // Бюллетень науки и практики. Социологические науки. – 2019. – Т. 5. – № 9. – С. 345-354.
7. Протест // Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: Инфра-М–Норма, 1998. – 488 с.

8. Гулин, К.А., Дементьева, И.Н. Факторы формирования протестного поведения // Экономические и социальные перемены в регионе: тенденции, прогноз. – 2006. – Вып. 4 (35). – С. 51-56.
9. Гулин, К.А., Дементьева, И.Н. Основные тенденции протестных настроений жителей Вологодской области // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 64-71.
10. Гулин, К.А., Дементьева, И.Н. Тенденции общественных настроений населения Северо-Запада России // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 66-71.
11. Дементьева, И.Н. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 6 (118). – С. 39-51.
12. Дементьева, И.Н. Протестные настроения молодежи Вологодской области // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 1 (31). – С. 4-14.
13. Соловченков, С.А. Социальная напряженность и протестная активность в региональных социумах – опыт социологического анализа // Региональные проблемы. – 2013. – Т. 16. – № 1. – С. 103-108.
14. Фролов, А.А., Миронова С.В. Протестные кампании в современной России: региональный аспект на примере Ярославской области // PolitBook. – 2019. – № 1. – С. 6-21.
15. Ивченков, С.Г., Ситникова, С.В., Калугина, Т.А. Российский «Русский марш» как индикатор политической активности горожан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20. Вып. 1. – С. 4-8.
16. Кленова, М.А. Протестная активность как форма проявления социальной активности молодежи // Русская политология. – 2020. – № 1 (14). – С. 87-92.
17. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. – М.: Восточная литература РАН, 1999.
18. Genner, A. Van. The Rites of Passage. – Chicago: University of Chicago, 1960.
19. Тернер, В. Символ и Ритуал. – М.: Наука, 1983.
20. Turner V. Liminal to liminoid in play, flow, and ritual: An essay in comparative symbology. – Rice University Studies, 1974.
21. Катерный, И.В. Реконцептуализация статусной лиминальности в социологической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – № 2. – С. 226–238.
22. Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. – М.: Астрель, 2004. – 511 с.